

Не приведет ли всплеск национализма к политике самоизоляции, к ослаблению интеграционных процессов и снижению политического веса России в мировом сообществе? Умеет ли культура «работать» с национализмом, обеззараживать его, выводить из агрессивного состояния, насыщать социальными смыслами? Можем ли мы опереться на культурный, политический, экономический опыт стран, которые раньше нас столкнулись с аналогичными проблемами?

Там, где культура выдвигается в качестве главного мотора модернизации и магнита для инвестиций, в центре всех процессов оказывается именно актуальная универсалистская культура, а национально-традиционная сдвигается на обочину. Случайно ли это?

Возможно ли возрождение через возвращение, например, к «золотому» XIX веку, понимаемому широко, как наша восточная эпоха, от Екатерины Великой до начала XX столетия? Возможно ли создать постимперскую картину мира, в которой национальному и космополитическому полюсам найдется смысловой противовес?

Какую роль будет играть в этих процессах Церковь? Может ли она стать неформальным арбитром или займет одну из сторон в национально-культурном и социально-политическом конфликте? Будет ли сотрудничать с современной русской культурой? Насколько вероятна вспышка «нового атеизма» в молодой интеллектуальной среде?

Остается ли Россия плавильным котлом культур населяющих этносов? Какие уроки может и должна извлечь Россия из кризиса политики мультикультурализма в Западной Европе? Какую роль будет играть такая ценность, как толерантность? Она укоренена в нашей культурной традиции? Она может быть встроена в нее?

Национализм как форма современности

<Виталий Куренной>

Начну с предварительного замечания относительно характера ведения общественной дискуссии в сегодняшней России. Именно с этим, мне кажется, связано большинство недоразумений относительно обсуждения у нас темы национализма. Что такое нормальная современная общественная дискуссия? Это когда идет состязание за семантическое определение ключевых общественных понятий - власть, демократия, свобода и т.д. Райнхарт Козеллек, создавший словарь «исторических понятий» современности, называет такие понятия базовыми понятиями. Их специфика состоит в том, что у них нет одного «правильного» смысла. Их семантическое определение - всегда предмет общественного спора. Наличие такого спора является неотъемлемой особенностью современного общества.

Но если мы обратим внимание на нынешнее российское общество, то возникают сомнения, что по этому критерию его можно отнести к современным обществам. Публичная дискуссия у нас ведется, так сказать, позиционно. Это означает, что люди сидят в своих окопах, и их единственная задача состоит в том, чтобы эти окопы изо всех сил оборонять. Языковая тактика этой борьбы сводится к тому, что есть понятия, с помощью которых представители одного лагеря обозначают свою позицию, и есть слова, с помощью которых они обозначают позиции своих противников. Все эти слова и понятия всего-навсего маркируют вашу приверженность тому или иному лагерю. В собственном смысле

общественной дискуссии, то есть конкуренции за семантическое определение социально важных понятий, фактически нет. Нет состязания за то, чтобы предложить и отстоять собственную трактовку определенных понятий. Слова являются не осмысленными понятиями, а стигматами, эмблемами: они пользуются для того, чтобы пометить своих и чужих в ходе враждебной перепалки.

Нечто напоминающее общественную дискуссию возникает у нас в одном-единственном случае: когда понятие начинает использоваться в разного рода правительственных или президентских высказываниях - послании президента Федеральному собранию или в каком-то еще виде. И только тогда разворачивается нечто напоминающее общественную дискуссию. Например, там появляется слово «модернизация». Вслед за этим разного рода группы, точнее, экспертно-идеологические группировки, претендующие на выполнение экспертных функций при власти, начинают состязаться в том, чтобы навязать свое определение модернизации.

Кстати говоря, понятие «матрица» или «культурная матрица», которое мы сегодня обсуждали, имело именно такую судьбу: оно появилось сначала как экзотический плод рефлексий социолога С. Кирдиной, потом вдруг всплыло в языке В. Суркова - и вот, пожалуйста, мы ее сегодня обсуждаем битый день. Говорю это не в порядке критики - напротив, считаю, что понятиям, именно таким образом попавшим в поле экспертного и публичного обсуждения, по-своему везет: здесь появляется хотя бы какая-то общественная дискуссия.

А вот понятию «национализм» и его производным в этом отношении не повезло. Национализм у нас не всплывает в государственно-правительственных речах, а потому никакой общественной дискуссии о национализме у нас нет. Попытка нечто по этому поводу сформулировать после событий на Манежной площади на уровне публично транслированных президентских и правительственных совещаний показала, что сколько-нибудь развитого общественно-политического языка для обсуждения этих проблем у нас попросту не существует. (Существует академическая литература, связанная с национализмом, но на поверхности общественной дискуссии это многообразие никак не обнаружи-

вается.) Национализм - это просто ярлык, который используется в обрисованной окопной позиционной войне. Поэтому использование понятия «национализм» имеет чисто пропагандистский характер: это понятие побуждает не к самоопределению по данному вопросу, а имеет исключительно эмоционально-оценочный характер - для одних со знаком «плюс», для других со знаком «минус». Но в действительности национализм - это именно «основное историческое понятие»: оно существует как комплекс различных семантических интерпретаций самого широкого спектра. То есть когда вы используете слово «национализм», это еще ничего не означает. Только дав содержательную трактовку этому понятию, можно о чем-то разговаривать. Без нее это просто «пустое означающее» или чисто пропагандистский ярлык.

Теперь я позволю себе несколько содержательных замечаний. Название нашей панели связывает модернизацию и национализм. И я считаю эту связь правильной, более того - тривиальной, школьной. Национализм - это современное, модерновое явление. Никакого национализма в традиционном, немодернизированном обществе не бывает. Национализм - это такое же современное явление, как современная техника, как либеральная демократия, как нынешняя система международных отношений. Национализм и современность - это два взаимосвязанных, даже в каком-то отношении нераздельных явления. Напомню, что современное словоупотребление понятия «нация» возникает только в период Великой французской революции.

И здесь я кратко остановлюсь на некоторых основных функциях национализма в современных обществах.

Во-первых, в политическом отношении идея нации фундирует современное понятие суверенитета, определяет легитимного субъекта политического самоопределения в форме государства, существующего в системе других подобных же политических субъектов. Национализм, таким образом, формирует современную государственность и базовые характеристики системы международных отношений.

Во-вторых, важнейшим внутривнутриполитическим аспектом национализма является также то, что он определяет характер по-

литического строя современного государства в качестве массовой демократии. В отличие от демократий прошлого, современная демократия является формой репрезентативного правления не части общества, а общества в целом - в лице всех своих представителей. Чтобы подобная форма правления могла состояться, должно было произойти одно принципиальное изменение: традиционный сословный строй должен был быть упразднен и приведен к некоторому общему политическому знаменателю. То есть к идее политической нации, в стихии которой все равны, несмотря на всевозможные социально-экономические и культурные различия. Тем самым национализм упраздняет именно те оппозиции, которые и сегодня нередко звучали в нашем уважаемом собрании. Я имею в виду овеществленные противопоставления некоего просвещенного меньшинства и дремучего большинства, «города» и «леса» и т.д. Эти оппозиции имеют квазисословный характер, восходят к архаическим тропам так называемой интеллигенции и имеют досовременный характер. Национализм упраздняет подобные сословные и квазисословные границы, конституирует фундаментальное онтологическое равенство всех членов данного государства, являющееся условием и предпосылкой возможности позитивного политического и правового равенства.

Упразднение сословности в рамках идеи нации имеет не только политический, но и социальный аспект. Сословие по факту рождения привязывает человека к определенной группе. Он принадлежит обществу лишь постольку, поскольку принадлежит к определенной группе - семье, клану, сословию или корпорации. Идея нации позволяет индивиду быть собой помимо принадлежности к конкретной группе. Национализм позволяет создавать сложные формы кооперации и взаимодействия, которые в современном комплексном обществе приходят на смену традиционным институтам, основанным на элементарных интеракциях с очень ограниченным радиусом взаимодействия.

Национализм, таким образом, формулирует определенный социальный капитал, без которого невозможно функционирование экономики современного типа. Последняя основывается в социальном плане на очень широком радиусе доверия. Традици-

онная экономика не способна порождать сложные формы хозяйствования, так как основана на социальных отношениях с незначительным радиусом доверия. Большая семья, по сути, является здесь базовой единицей хозяйствования.

Наконец, национализм имеет огромное множество культурных импликаций, на которых я здесь не стану задерживаться. Собственно, современные культуры возникают и формируются как культуры национальные - в противоположность универсальным имперским формам существования культуры, основанным на едином языке (латынь), едином или безраздельно доминирующем религиозном авторитете и т.д. Отмечу, правда, один культурный аспект национализма, который не является столь очевидным, как круг тем, связанных с национальной культурой. Дело в том, что в современных обществах тяга к тому, чтобы принадлежать к нации, является неизбежной, прямо-таки экзистенциальной потребностью. В чем состоит антропологическая специфика положения человека в современном обществе? - Это неопределенность, являющаяся оборотной стороной экономической, технологической и прочей динамики современного мира. Неопределенность порождает потребность в компенсации - то есть в переживании принадлежности к чему-то стабильному, инвариантному. Подобная стабильность не может иметь конкретного характера - все конкретные социальные сущности находятся в процессе постоянного и ускоряющегося изменения. Абстрактная, но при этом эмоционально нагруженная идея нации наилучшим образом выполняет эту роль своеобразного экзистенциального прибежища, спасения от неопределенности и бремени постоянных перемен.

Не буду здесь приводить известные цифры и результаты исследований российского общества, но, полагаю, все здесь осведомлены, насколько критической является ситуация в России по всем перечисленным выше аспектам, упомянутым мной в связи с национализмом. Ответом на российские проблемы политического, социального и экономического плана является, конечно, национализм.

Но, к сожалению, этой формулой еще ничего не сказано. Здесь мы обязаны задать себе вопрос: какой национализм? Или точнее - если мы остаемся в русле реальной политики, а не фантастических

популистских иллюзий: какой национализм в России сейчас возможен? В этой связи я хочу напомнить формулу Гельмута Плесснера, которую он использовал по отношению к немцам, - «запоздавшая нация». Мое предположение таково, что Россия - это не просто «запоздавшая», но, скорее, совсем опоздавшая нация. Мы слишком долго были империей - досоветской, а потом и советской. Выстроить современную Россию в пределах ее нынешних территориальных границ как однородную в этнокультурном отношении нацию («Россия для русских» в пределах существующих границ) попросту невозможно. Формирование европейских моноэтнических национальных государств, как нам известно из истории, было далеко не толерантным: в общем-то это репрессивный и кровавый процесс (и далеко не безупречный с точки зрения эффективности, если мы посмотрим на различные формы продолжающего существовать европейского сепаратизма). Наше состояние цивилизованности, наши претензии на цивилизованность не позволят воспроизвести эти рецепты здесь и сейчас. Мы слишком цивилизованны для того, чтобы состояться как хрестоматийная этническая нация. (Всякие сценарии второй волны распада государства я здесь опускаю - просто чтобы не поднимать алармистских тем.)

Означает ли это, что мы должны отказаться от идеи национализма? Нет, я так не думаю. Этнокультурный национализм - далеко не единственная возможная форма национализма. Полагаю, для России остается открытым путь гражданско-конституционного национализма. Т.е. национализма, основанного на лояльности конституции и прагматике единой государственной инфраструктуры. Это национализм, в котором русский этнос является государствообразующим, но не исключительным. Конечно, подобный национализм основан в большей степени на рационализме и прагматике, а не на иррациональном переживании причастности к некоей культурной однородности. Но это также национализм - и бояться этого выражения отнюдь не следует. Потому что если мы не говорим языком национализма, обсуждая его различные возможные варианты, то эту политическую форму приватизируют маргинальные силы. И в итоге мы получаем площадь, заполненную молодежью, которую сводит судорога насильственного безъязычия.

Неизбежность национализма = неизбежность тупика

<Екатерина Гениева>

Я надеюсь, что в названии дискуссии есть сознательно допущенный вызов. Что такое модернизация через культуру, мне понятно; более того, я другого пути вообще не вижу. А вот насчет неизбежности национализма... надеюсь, нам предложен этот тезис, чтобы мы его опровергали. Но сначала - про хорошее.

Только самые ленивые не говорят сейчас о том, что без модернизации конец и как необходимы инновации. В регионах проводится безумное количество конференций, где представители власти наперебой отчитываются, какое количество экономических, технических инноваций они сумели осуществить на вверенной им территории. Технический, технологический аспекты, разумеется, важны; все эти нанотехнологии и интернетовские красоты необычайно вдохновляют, но если говорить о том, чего же мы, в конце концов, хотим достигнуть, то, по моему глубочайшему убеждению, это вещи не основополагающие. Если вообще хоть что-то может приблизить нас к модернизации (хотя само понятие требует, конечно, постоянных уточнений), то это культура и образование.

Другое дело, что страна, которая пережила такие гигантские сломы, как в 17-м и 91-м годах, неизбежно выпадает из своей культурной матрицы. Или, как я предпочла бы говорить, из своей культурной колеи: в идее матрицы есть нечто неподвижное и предустановленное, а колею мы прокладываем сами. Сейчас преемства нет, есть лишь культурная эстафета - в том смысле,